

Почти двадцать лет я работала в редакции журнала «Москва» в ее «бородинский» период. Период важнейший в истории русского самосознания. Период трагический, торжественный и трудный, по истечении которого завершилась и «большая судьба» журнала, поскольку определялась эта судьба масштабом личности «железного Бородина». Впрочем, и дату моего первого рабочего дня в журнале «Москва» будто определяли не люди, а сам ход истории. 4 октября 1993 года велел мне Леонид Иванович прийти в редакцию на Арбат в качестве заведующего отделом культуры и критики...

А буквально через три дня был собран весь коллектив и Леонидом Бородиным озвучена позиция: он не поддерживает расстрел Верховного Совета (хотя и не смог стать под красные флаги), но предоставляет возможность всем, кто придерживается иной точки зрения, покинуть редакцию. Никто не покинул, а на робкие слова одной из сотрудниц, что, мол, быть может, «будет революция в нашу пользу», решительно ответил: «Революций в нашу пользу не бывает!» Следующий номер журнала (№ 11, 1993) был посвящен «Черному октябрю». На «Страничке главного редактора» Бородин писал: «С указом о разгоне парламента события приобрели необратимый характер, потому что в действительности этот указ был не о парламенте, а об определенной части народа, не усмотревшей ни моральной, ни физической компенсации в ваучерах и рекламах “сникерсов” тем утратам, что свалились на головы наших растерявшихся сограждан...»

У него не было выбора иного, чем стояние на

стороне русского народа, связь с которым была уже в советское время особенная, то есть глубинная: монархия как эстетический идеал была для Леонида Ивановича еще тогда значима, когда никаких монархистов и в помине не было вокруг. Он (с «всхоновцами») собрался освободить русский народ от интернациональной идеологии в те самые либеральные «шестидесятые», став «шестидесятником наоборот». Не от Запада он ждал новых идей для России. Он черпал их в русской философии – той, что была до 1917 года. И когда в «оттепель» советские официальные оппозиционеры рванули душой и телом в Европу, – Бородин отправился вглубь России. В мордовские лагеря, а потом и хватанул самой строгой тюрьмы – Владимирской политической.

Он всегда понимал больше, чем его окружение, к которому было принято относить журнал «Москва» («патриотический лагерь»): достаточно напомнить, что, выйдя на свободу после второй отсидки в 1987 году, он, во-первых, не делал себе карьеры (а потому ему было смешно, как жирные коммунисты рвут и сжигают свои партбилеты, чтобы припасть к новой кормушке), а во-вторых, сразу попытался объяснить, что жесточайшей нашей проблемой ближайшего будущего будет именно Украина. Конечно, в ответ он услышал успокоительные слова о том, что «мы один народ!».

Он был довольно одинок. И это понятно. Ведь все, что открывали для себя патриоты после «перестройки», им давно и всерьез было проштудировано и перепахано. «Социализм не может улучшаться, не подрывая собственных основ», – он эти слова Игоря Огурцова часто повторял. А по-

тому многие патриотические концепции не могли принять без этого своего опыта. И когда в 2009 году после юридического «переформатирования» журнала он призвал на пост «главного редактора» Сергея Сергеева, немедленно давшего интервью с эффектным названием «Националист во главе “Москвы”», а националисты всех мастей (располагаемые под крылом Ст. Белковского) стали регулярно печататься в журнале (правда, при жестком контроле генерального директора Л. Бородина), – ничего стратегически-долгосрочного из этого получиться не могло. Во-первых, главный редактор (любой) был уже не стратегом и тактиком журнальной политики, а лицом наемным. Сергеев же, раздувшийся от собственной значимости до полной потери самоконтроля, полагал Бородина «старым патриотом», а их, новую поросль, – «новыми националистами». А поскольку в основании мировоззрения «новых» лежала все та же старая европейская концепция понимания нации, исходя из которой в России обнаруживалось «наличие отсутствия» этой самой русской нации, то не удивительно, что новоиспеченный «главный редактор» (как и его идейный учитель – стажер лондонской школы экономики и политических наук Валерий Соловей, в ту пору атакующий общество книгой «Кровь и почва русской истории») быстро впал в конфликт с Леонидом Бородиным. И это понятно: во-первых, Бородин полагал, что «национализм» как чувство типичен для малых народов, но не больших «имперских наций» (но ни национальной культуры, ни русской философии он, естественно, не отрицал). А во-вторых, ничего радикального, что поддерживало бы смуту в государстве и обществе, Бородин никогда не позволял ни себе, ни другим.

Я помню, как все обострилось в 2009 году, когда Сергеев с товарищами пошел ва-банк. Тогда Бородин устроил у нас же в редакции на первом этаже огромную дискуссию и «положил на лопатки» «нового националиста» Сергеева, накануне кричав-

шего, что «Бородин закрывает русский вопрос». У Бородина было то, чего не было НИ У КОГО из присутствующих в зале: Бородин сидел в лагерях больше 11 лет за свои идеи! А они готовы? Нет. Он совершал поступки. Они же все только «смело говорили». Бородин действительно «закрыл» – только не русский вопрос, а носителей прозападной интеллектуальной школы, для которых русский дух есть нереальность, поскольку он не операбелен, бесплотен и они не чувствуют и не видят его действия в нашей истории.

Вообще, конечно, у Бородина были свои «болевые» точки. И они тоже определялись тем же, что и вся его жизнь, – отсутствием выбора, если ты русский человек. Он не хотел всем существом своим выбирать – эмигрировать после первого срока или остаться? Для него высылка из России была бы страшной трагедией (он ее всеми силами не хотел и избегал). Не выборное, но заданное начало руководило им всегда. Заданное детством с русскими песнями бабушки (Леонид Иванович сам прекрасно пел, очень тонко чувствовал мелодику и гармонию, лад и многоголосие русской песни. Он буквально умирал от современных музыкальных ритмов, построенных на американском джазе и т.д.). Заданное Байкалом и сибирским характером. Заданное историей России, которую он знал и любил, позволяя себе заглядывать за рубеж 1917 года, но и семьей – династией школьных учителей. Полагая время, доставшееся ему в качестве руководителя толстого литературного журнала, временем смуты, он многие страницы журнала отдавал авторам, которые, как и он сам, готовы были разбираться в этом явлении, а не просто, наотмашь, его отрицать или считать «заговором». Он не считал себя «диссидентом» – ведь они, «русисты» (по определению Андропова особо опасные), столь категорически отличались от тех, чем жили советские диссиденты (официальные и неофициальные). И это я могу свидетельствовать: не было диссидентства в Бородине – ни по части узких «прав человека», как

они понимались в советское время, ни по части нелюбви к Отечеству антисоветского времени. К советской истории он умел относиться не лично, а с сочувственным пониманием народных тягот и искренних заблуждений. Фенечки 90-х — «эта страна» и «совок» — он не выносил.

Русский богатырь ходит прямо. Бородин всегда ходил исключительно прямо, когда речь шла о государстве Российском. Государство было его личной ценностью (созданной огромными усилиями русского народа), и он не скрывал, что первым подвигом В. В. Путина считает тот, что он не дал развалить Россию на вожаемые «куски территорий». Все годы, пока он жил журналом, жил Россией, он всегда лично курировал отдел публицистики, ставшей с 90-х годов «нашим всем» (лекарством от народной боли, гуманитарным оружием; «сканером» всех умственных разбродов, шатаний, борьбы «старого» и «нового»). Россия писала, заговаривая свою боль и открытый грабеж. Раз в полгода мы получали трактаты о том, «как обустроить Россию». Россия писала стихи и прозу. Россия думала и страдала. Россия в эти смутные разорительные годы спасалась словом, как хлебом.

Мне было легко с ним: мы всегда очень хорошо понимали друг друга — даже если спорили «наотмашь», со всей сибирской силой-грубостью. Он всегда приходил первым «мириться», придумывая какой-нибудь смешной повод. Примирение было не менее сладостным, чем возможность высказать себя до конца. Он поддержал проведение в журнале «Русских собраний». Три года я собирала народ — не элитствующих и не живущих в телевизоре, а буквально наших читателей, мыслящих русских людей. На «Русские собрания» в кабинет Леонида Ивановича набивалось людей очень много: он сам всегда тоже был. Наши авторы, публицисты и историки, психологи и политологи, с радостью шли — с редкой жадностью их слушали и потом долго расспрашивали! На одно из таких собраний приезжал А. И. Солженицын — основной доклад

о земском самоуправлении делал замечательный мой товарищ Аркадий Минаков (из Воронежа). На другом собрании держал кафедру В. В. Кожин (где-то сохранилась запись, в том числе и полемика с ним Л. Бородина. Леонид Иванович действительно умел «спорить с идеями, а не с людьми» — этому научил лагерь, где сидели мыслящие иначе разных национальностей; научил и умению «держаться удар», и отвечать без личностного оскорбления). Бывало, что и Николай Петрович Ильин читал свою публичную лекцию в журнале — часов пять только на вопросы отвечал! И вообще публикация «Трагедии русской философии» Н. П. Ильина — выдающее событие не только в редакционной жизни. Публикация 2000 года все еще terra incognita для мыслящих людей, тогда как я полагаю категорически необходимым ее изучение в гуманитарных вузах, если мы мыслим себя и культурно-суверенными.

Вообще русское интеллектуальное развитие было для Бородина важным: отсюда поддержка задуманной издательской серии. Первой книгой этой серии стал Л. Тихомиров «Религиозно-философские основы истории», о которой как о неизданном труде сказал мне В. Карпец. Я не поленилась, пошла в архив, прочитала рукопись с благоговением и до издания книги тиражом в пять тысяч ее, по сути, уже «продала» — желающих купить было очень много, я вела список, в котором был среди первых и Валентин Распутин. Тогда это был для нас не бизнес. А книжная серия «Пути русского имперского сознания» (я ее редактировала) была работой по формированию правильного понимания самих себя (Бородин любил приговаривать: «А, этот по-русски плакать не умеет, что с него взять!»).

Ну и что прикажете теперь делать мне, проработавшей с Бородиным почти двадцать лет?! Да хоть режьте меня, но я не сочту ни умным, ни содержательным ни спектакль «Краткая история русского инакомыслия», ни потуги сделать большим собы-

тием верbatim о «страшных жертвах» и сидельцах типа бухгалтера-латыша в Вятлаге. Я ведь знаю, что и за колючей проволокой у Бородин была свобода. Свобода высшей пробы — личностная, свобода мыслить и быть человеком (не тусовочная, не стадная). Меня всегда потрясал тот факт, что он, сидя в лагере, писал самое свое звонкое, христианской голубиной чистоты произведение «Год чуда и печали», а нынешний художник, обжираясь свободами и благами, только и может, что препарировать «труп красоты». Бородин не выносил «культурных столиц», в которых обгрызанное яблоко выдается за новаторское произведение искусства. Посетив Пермь-36, он написал об этом прямо. Наш журнал вообще-то эту тему — «Гельман в Перми» — открыл первым — моей статьей, но, конечно, те, кто написали «последними», полагают, что именно они тут сыграли «главную роль», забив гвоздь в крышку гельмановского культурного гроба. Это правда, — мы плохо умели себя преподнести, хотя именно эти телодвижения все чаще кажутся определяющими судьбы.

Тот факт, что в актуальной повестке культуры сегодня нет Леонида Бородин как писателя, публициста и особенной русской судьбы человека — это просто-напросто свидетельство какого-то страшного ущерба самой современной культуры, нацеленной видеть и говорить как раз о том, что всей своей жизнью отрицал «железный Бородин» (в лагере так звали). Постмодернизм — он попросту противоречил всей сущности писательской природы Бородин. Да, журнал не мог жить одними шедеврами, но и носителям громких имен Леонид Иванович умел отказать: раз напечатает, а потом и от ворот поворот. И никакой «сват и брат» не может. Политика нашего журнала была такова, что без всяких рекомендаций у нас мог быть напечатан талантливый человек: к нам буквально заходили с улицы. Правда, и улица была знатная — Арбат, а не Войковская... И их слышали, их печатали, если автор был талантлив. (Но иногда ЛИ впадал в сту-

пор: ему нравились вещи серенькие и простецкие, и я этого не понимала прежде, а теперь думаю — это была защитная реакция, «вчерашний суп» иногда понадежнее, будто спрятанная корочка хлеба, отделенная от позавчерашней пайки.)

Вообще было много значительного: и «Чтения о русской поэзии» Николая Калягина (событие!), и конференция, посвященная творчеству А. И. Солженицына (я собирала и проводила), и блестящие вылазки по институтам и городам, и роман Галактионовой «5/4 накануне тишины», и циклы культурологических статей молодых авторов, и наши посиделки в комнате номер десять, где у меня собирались Юрий Козлов и Александр Сегень, Владислав Отрошенко и Олег Павлов, Вячеслав Дегтев и Анна и Константин Смородины, Петр Краснов и Борис Агеев, понаехавший из Сибири Василий Дворцов, а из Орла — Алексей Шорохов... Иных уж нет... А как же было жизнеутвердительно выпить рюмочку с любимым моим артистом — Владимиром Заманским, приятельствовали с которым мы как-то очень душевно; и как было не облобызывать старинного друга Бородин и всех нас — «молодой Москвы» (мы немедленно его себе присвоили) — хрупкого Игоря Хохлушкина, и крепышей Бориса Спорова или Владимира Осипова. А все трое — сидели, а Л. И. всегда подчеркивал, что им выпали и физические наказания, которые к поколению политических Бородин уже не применялись! И сколько в них было человеческой стати и силы, и сколько бедности и горя! А уж как «Москва молодая» прямо свирепо любила Александра Панарина — слов нет! Он не без удовольствия заходил к нам, и мы набрасывались на него с «насушными вопросами» — и мы знали, что с нами ему тоже не скучно...

...Все публицистические статьи Леонида Бородин, которыми открывались свежие журнальные книжки, я всегда очень любила. А его полемическую статью «О русской интеллигенции» считаю шедевром (когда все кругом кричали об особенной

«русской душе», я все время требовала, чтобы мне предъявили и «русский ум», — мало кто мог это сделать. Бородин мог). Статья эта первоначально называлась «“Вестник РСХД” и русская интеллигенция» и была напечатана в самиздате — в рукописном журнале «Вече» (№ 8, 1973). Но я ее читала позже, уже перепечатанную в «Гранях» (№ 96), когда сам Владимир Осипов уже был в заключении. Собственно, Л. И. Бородин отвечал авторам «Вестника РСХД» Н. Н., О. Алтаеву, В. Горскому и М. Челнову, статьи которых вышли в 1970 году. Бородин был в это время в лагере, а потому ответил через несколько лет. Но как ответил! Он в ней ответил и всем будущим «клеветникам России» — их мы уже знаем хорошо и в лицо. Но, увы, даже прежний «патриотический лагерь» этой статьи не знал и не знает. А между тем еще в 70-е годы редакция «Граней» писала: «Мы печатаем статью Л. Бородин еще и потому, что слышим в ней голос все яснее обрисовывающегося национального течения русской мысли, голос тех, кто вместе с Бородиным убежден: «что бы в России ни происходило, происходить оно будет под национальными лозунгами. К добру ли, ко злу ли — сегодня это есть предмет веры». (Сам Леонид Иванович, отсидевший срок как активный член социал-христианского Союза освобождения русского народа в том числе и за его православную веру и христианские ценности, не был крещен — крестился позже).

Бородин тут просто громовержец. Аргументы мечет горячие, острые и прямо в цель: «Разве не ясно, наконец, что большевистское направление в революции именно потому и победило, что его идеология обнаружилась как наиболее тотальное преодоление традиционной русской интеллигентской психологии...» Разве не ясно? Не ясно! «Русский интеллигент почувствовал себя гражданином планеты Марс, а никак не России...», «Горскому (а тут можно добавить кучу современных фамилий. — К. К.) хочется во что бы то ни стало доказать, что революция явилась следствием упорства рус-

ской интеллигенции в “мерзости великодержавной спеси”, то есть в “национал-мессианизме”, то есть в “русской идее”. Революция же на самом деле явилась отрицанием не только социально-экономического уклада прежней России, но и всего комплекса позитивных идей, которые в осуществлении или в противоборстве составляли духовную основу империи. Не понимать этого — значит ничего не понимать в истории русской революции!»

...Самое трудное — это современники. Ведь живем мы так, что знаем (я говорю не о бытовом знании) друг о друге много меньше, чем о Пушкине, например. Но хорошо, скажут мне, если о Пушкине, а не о Пупкине! Живем мифами и сплетнями, своими предполагаемыми кажимостями и склонностями «дурную весть» не пробовать на зубок, а сразу заглатывать. Поэтому не расскажу я пока правды о редакции и Бородине после «редакционной реформы» 2008 — 2009 года. Это тяжелая песня, — почти гомеровский эпос о том, как погибают герои... Стареть и умирать очень трудно — и я впервые так близко это переживала с Бородиным.

А вот о «бородинских обидах» говорить не хочу — не хочу потому, что он позаботился о том, чтобы как можно меньше было «интерпретаций» его жизни. Именно поэтому он написал автобиографическую книгу «Без выбора», стараясь личной волей застолбить ту дорогу, по которой должен пойти будущий исследователь или (вдруг) случайный любитель русской литературы ушедшего века. Он максимально снял возможность раскапывания в нем «тайной жизни». Его жизнь — его книги. И я бы поставила на его книгах гриф: всему написанному верить! Он полностью искренен: заблуждался ли в чем-то, не успел ли понять что-то... ■